

«Ты маленький паршивец...» Цзинь Шижэнь был разгневан, собираясь сказать что-то еще.

«Давайте все успокоимся, спокойно. Давайте обсудим это мирно» Ло Цзинь встал между ними, размахивая руками, и улыбнулся в сторону Е Цинъюя. «Племянник Е, должно быть, у тебя есть некоторые недопонимания относительно того, что случилось в прошлом. Но это не имеет значения, в то время ты все еще был маленьким и не понимал многих вещей. Сегодня, так как ты пришел, мы могли бы сесть, и открыто все обсудить...»

«Здесь нечего обсуждать» Е Цинъюй медленно подошел к подоконнику, поворачиваясь спиной ко всем, и открыл окно. Он посмотрел на шумную толпу внизу и сказал: «У меня есть условие. Выплюньте все, что вы проглотили от семьи Е, верните все то, что вы взяли. Я тоже не хочу заходить слишком далеко, так что если вы это сделаете, то я забуду все обиды и негодования...»

«Кем ты себя возомнил? Маленькая дрянь, ты сошел с ума?..» Толстяк Цзинь сплюнул, снова ударив по столу, и встал. С мрачным выражением, он крикнул: «Босс Ло, ты слышал, что он сказал. Этот маленький мусор возвышается над нами. Я, толстяк Цзинь, не собираюсь ничего возвращать, я посмотрю, что он сможет мне сделать!»

«Старик Цзинь, давай обсудим вещи спокойно...» Ло Цзинь, казалось, создавал впечатление того, что он пытался уладить все, не выпуская ничего из-под контроля.

«Здесь нечего обсуждать. Что я за человек, толстяк Цзинь? Хаха, ты не пробовал изучить меня? Будучи резким и необоснованным передо мной, ты, действительно не знаешь жизни и смерти. Маленький мусор, чьи волосы еще не выросли, ты смеешь мне угрожать? Тьфу!»

Сказав это, толстяк Цзинь вышел из-за стола.

Когда он проходил мимо Е Цинъюя, он зловеще улыбнулся. «Маленький ребенок, Цзян Ху нет поблизости, и ты не можешь вести себя таким образом. Если у тебя достаточно мужества, тогда приходи в кузнечную лавку Ляньфэн и повтори слова, которые ты только что сказал. Я покажу тебе, как пишется иероглиф Смерть*!»

Закончив говорить, он указал двум экспертам рядом с ним сопровождать его, чтобы уйти. Его жирное тело подошло к лестнице и собиралось спускаться.

Е Цинъюй обернулся и улыбнулся. «Тогда как насчет этого... Прямо сейчас, я покажу тебе, как пишется иероглиф Смерть».

Сказав это, его правая рука поднялась вверх и начала излучать воронку света в воздух.

Жирная плоть, похожая на гору, тело толстяка Цзиня задрожало, а затем потеряло равновесие. С криком шока и удивления, он летел сквозь воздух, его спина приземлилась прямо на ладонь Е Цинъюя.

«Ты.... Освободи меня....» Толстяк Цзинь хаотично размахивал руками и ногами, борясь за свою жизнь, но это было бесполезно. Он визжал от гнева и замешательства.

«Мальчишка, как ты смеешь!»

«Освободи нашего хозяина!»

Два эксперта, сопровождающие толстяка Цзинь мгновенно отреагировали. Они со скоростью света бросились к Е Цинъюю. В тот момент их действия, сквозь пространство дунули сильные порывы ветра, словно буря. Их сила была действительно впечатляющей.

Е Цинъюй слегка рассмеялся, его левая рука небрежно скользнула по воздуху.

Мгновенно порывы ветра прекратились.

Два эксперта в воздухе почувствовали, как кровь брызнула из их ртов, словно гигантская неведомая сила ударила их. Они растянулись на полу, две ладони прижали их грудь, заставляя их быть не в состоянии подняться.... ..

«Сила звездной ладони!»

«Ты.....»

Два эксперта воскликнули, брызнув кровью.

Сила звездной ладони не могла быть расценена, как техника высокого класса, но могла быть противопоставлена обычному удару, так как она требовала использования внутренней юань. Они оба знали, как ей пользоваться, но то, как использовал ее Е Цинъюй, без единого намека на колебание энергии и даже в состоянии ранить кого-то без всякого предупреждения, действительно было невероятно.

Лишь благодаря этой технике, эти двое могли четко понимать, что они далеко не являлись его соперниками.

Крики и вопли взорвали зал!

Люди, сидящие за большим столом, наконец, встали, выражения лиц каждого полностью изменилось.

«Племянник Е, давай обсудим все мирно. Нет необходимости в драке, не нужно драться...» Ло Цзинь до сих пор вел себя, словно старший, стараясь убедить ребенка.

«Маленький мусор, отпусти меня, быстро освободи меня. Ты смеешь так со мной поступать, ты...» в ярости кричал толстяк Цзинь.

«Я никогда не понимал, почему некоторые люди, видя, что их жизнь находится в чужих руках, еще осмеливаются угрожать и что-то требовать» презрительно сказал Е Цинъюй. «Ты думаешь это глупость или мужество?»

«Племянник, брось это. Скорее освободи его, ты не должен никого убивать. Если ты убьешь этого человека, я боюсь, что ты будешь не в состоянии противостоять последствиям....» Ло Цзинь быстро бросился убеждать Е Цинъюя, но его слова несли в себе другой смысл.

Е Цинъюй искоса посмотрел на него: «Четыре года уже прошло, почему ты до сих пор прячешь кинжалы за своей улыбкой? Ты и вправду хочешь, чтобы я убил его?»

Ло Цзинь опешил, мгновенно сказав с улыбкой: «Племянник, ты, должно быть, неправильно меня понял....»

Прежде, чем он закончил, толстяк Цзинь снова начал громко кричать. «Маленький мусор, для тебя будет лучше, если ты отпустишь меня. Хе-хе, кузнечная лавка Ляньфэн, даже не думай, что ты сможешь забрать ее когда-либо в своей жизни. Если ты послушно отпустишь меня, и склонишься передо мной, прося прощения, то я просто забуду обо всем. В противном случае, сегодня здесь много свидетелей. Если ты посмеешь тронуть хоть единый мой волосок, не думай, что ты сможешь уйти отсюда живым....»

Перед тем, как он договорил.

Левая рука Е Цинъюя отпустила его, бросив в окно. Ладонь его руки разжалась, и гигантская фигура толстяка Цзинь непосредственно выпала из окна третьего этажа...

«Остановись!»

«Не.....»

«Маленький паршивец посмел сделать это!»

Все были шокированы, некоторые люди начали кричать, но уже было слишком поздно.

Крики толстяка Цзиня становились все громче и громче, его вопли становились все длиннее и длиннее снаружи окна. Очень быстро, послышался грохот тяжелого удара, и крики толстяка внезапно остановились, резкие выкрики зеваяк снизу разнеслись повсюду.

Е Цинъюй глянул в окно, чтобы посмотреть на него.

На улице лежал толстяк Цзинь, который не знал каких-либо боевых искусств. Он чуть было не превратился в котлету, его руки и ноги подергивались, его глаза были широко раскрыты в недоумении. До момента смерти, он все еще не мог поверить, что Е Цинъюй действительно посмел убить его!

Третий этаж ресторана замер в гробовой тишине.

На лицах каждого, кто сидел там, образовался ужас, который было трудно скрыть.

Они никогда не представляли себе, что этот хорошо выглядящий подросток был слабым мальчиком, у которого они отняли все четыре года назад. Во время их разговора, он так легко действовал и убил кого-то, словно он убил кролика или свинью.

Е Цинъюй посмотрел на толпу, и, как будто вдруг подумав о чем-то, на его лице появилась улыбка.

«Я только что подумал об одной шутке. Толстяк, если он случайно упадет с третьего этажа, не зная каких-либо боевых искусств, то во что он превратится?» со смехом сказал Е Цинъюй.

Все опешили, не понимая причину такого вопроса.

Все подсознательно задумались об ответе на такой вопрос; таком ответе, как мясной пирожок, мясная грязь, труп, и так далее, но Е Цинъюй ответил вместо них: «Хаха, конечно же, он станет... мертвым толстяком*!»

Несколько людей хмыкнули, сдерживая себя от смеха.

Лицо Ло Цзиня выражало смешанные чувства.

Он вдруг почувствовал, что в чем-то просчитался. За четыре года, подросток перед ним претерпел слишком большие изменения. Куда же делся малейший намек на слабую улыбку, непоколебимое великодушие, тот богатый сынок, который мог быть запуган кем угодно?

Почему же теперь сквозь его нежную улыбку, он был в состоянии разглядеть решительного и безжалостного убийцу, действовавшего с ожесточенной атмосферой, словно дикий зверь, король демонов, такого тиранического человека?

Тан Сань, который сопровождал Е Цинъюя, также был поражен.

Изначально это должно было быть просто беседой. Когда он увидел людей на втором этаже, он понял, что вторая сторона уже хорошо подготовилась, с точки зрения военной силы и правового дискурса. Они, несомненно, должны были быть потерпевшей стороной, и Тан Сань уже готовился просить о помиловании за своего молодого хозяина.

Но посреди простой и мягкой беседы, его хозяин уже забрал жизнь толстяка Цзиня.

Тан Сань не мог отреагировать.

Он знал, что следующие события не предвещают ничего хорошего.

Его хозяин был еще слишком молод, слишком опрометчив.

Тан Сань поспешно схватил испуганную Маленькую Траву, закрывая ее собой. Он собирался сказать несколько слов, которые могли бы решить эту проблему, но остальные люди, наконец, оправились от своего ошеломленного состояния.

«Дерзко, убить кого-то средь бела дня!»

«Это слишком нагло, слишком нагло. Что с того, что он студент Академии Белого Оленя? Может ли он игнорировать законы царской семьи?»

«Хмм, даже если мне придется рисковать своей жизнью, я все равно сообщу об этом главе города. Он ведет себя слишком высокомерно!»

Люди кулаками били по их столам, крича в гневе.

ЦянЦянЦянЦян!

Несколько мастеров боевых искусств, которые так же были семейными слугами этих различных людей, достали оружие. Все они встали, со злобным взглядом, окружив Е Цинъюя.

Раздался грохот приближающихся шагов.

Солдаты, обличенные в броню, также обнажили острые, как бритва, оружия. Они полностью заполнили пространство между лестницей на втором и третьем этаже, в воздухе четко чувствовалось намерение убийства, исходящее от них.

«Е Цинъюй, ты посмел игнорировать законы страны. Ты убил невинного, быстро сдавайся!» мужчина среднего возраста с мрачным выражением лица кричал в величественной манере.

Этого человека звали Не Инь, он был мастером додзё под названием павильон Таосюань. Он также был одной из мишеней Е Цинъюя сегодня.

Павильон Таосюань также был одним из владений семьи Е. Отец Е Цинъюя основал этот додзё боевых искусств, и в прошлом Не Инь был главным инструктором этого додзё. Он казался осторожным и добросовестным, но после смерти отца Е Цинъюя в бою, он конфисковал додзё для своих собственных целей. Избавившись от всех, кто был не согласен, он жестоко убил и спровоцировал смерть нескольких инструкторов, которые до сих пор оставались лояльными отцу Е Цинъюя.

Не Инь также мог использовать юань ци, и поэтому ему не было страшно. Выделившись, он осудил Е Цинъюя.

Е Цинъюй холодно глянул на него, говоря ледяным тоном: «Тоже хочешь умереть?»

Лишь сквозь взгляд, сердце Не Иня пронзил холод. Необъяснимый ужас и страх поднялись в его сердце, заставляя его трудно дышать, и он на самом деле не смог больше сказать ни слова.

Взгляд Е Цинъюя переместился, остановившись на Ло Цзине, со все еще легкой улыбкой на лице. «Посмотри на свое коварное лицо. Ты с самого начала был бесстыдным и наглым мусором, и ты до сих пор делаешь вид, словно отстаиваешь справедливость и правду. Прошло так много лет, ты еще не устал...»

Над Ло Цзином еще никогда не издевались до такой степени. Выражение его лица резко изменилось, он сказал: «Племянник, ты...»

«Если ты посмеешь назвать меня племянником еще раз, ты согласишься, что я зарежу тебя в этот самый момент?» В глазах Е Цинъюя проскользнул отблеск, подобный отблеску меча, словно он был древним зверем, который был намерен убивать при малейшей провокации.

Сердце Ло Цзиня вдруг начало биться в бешеном ритме. Холодный воздух проносился от позвоночника к его голове, почти сводя его с ума. Ужас, который он никогда раньше не испытывал, полностью окутал его.

Не зависимо от того, с какими ужасными персонажами он сталкивался раньше, Ло Цзинь твердо верил в то, что лишь своим бойким языком он смог бы убедить любого соперника. Но этот юноша даже не дал ему возможности высказаться.

*Китайская идиома, должно быть довольно очевидно, что это означает. Это просто угроза.

**Это игра слов. Мертвый толстяк также может быть созвучен с чертов толстяк, и тд. (на самом деле на китайском это тоже не так смешно xD. Я думаю, что Е Цинъюй просто король шуток.)